

## Травма Я и индивидуация: лебединая верность себе

**Мазалова Наталья  
Александровна**

[об авторе](#)

Масштабность и география, как гостей Зимней школы, так и выступающих с докладами коллег всегда производит на меня неизгладимое впечатление. Участникам Зимней школы предоставляется уникальная возможность познакомиться с самобытными взглядами на психоанализ в разных уголках мира. В этом году были представлены доклады, а так же мастер-классы, дискуссии, круглые столы из таких стран и городов, как: Великобритания (Лондон и Манчестер), Швейцария (Цюрих), Франция (Париж), Ирландия (Дублин), Россия (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Самара, Ростов-на-Дону, Нефтекамск, Уфа). Невольно возникает вопрос: «Как получается раз за разом собирать в одно время и в одном месте столько интересных людей, увлеченных своим делом?!»

Мне бы хотелось остановиться на докладе Барбары Фитцджеральд «Индивидуация и желаемое Я» (Дублин, Ирландия). В основе психоаналитического размышления Барбары лежит ирландский миф о детях Короля Лира. Говорят, что миф — это сновидение коллективного бессознательного. Барбара предлагает через этот миф отследить некоторые моменты индивидуации героя: ловушки, преграды, невротические



Онлайн-доклад Барбары Фитцджеральд

компромиссы, сознательные и бессознательные выборы и т. д.

Барбара рассказала, что и психоанализ, и восприятие мифа в Ирландии понимается иначе, нежели в Великобритании и Европе. Причины этого коренятся в особенностях ирландского языка.

Оказывается, психоанализ пришел в Ирландию в 40-е годы. Тогда же была сформирована психоаналитическая группа, частью которой является Барбара Фитцджеральд. В первые годы распространения психоанализа в Ирландии складывалось впечатление, как будто ирландцы ему не поддаются. Амбивалентность заложена в самой структуре ирландского языка. Например, на английском языке можно сказать «я грустный», ирландец скажет: «грусть во мне».

Обращаясь к мифу «Предание о детях Лира»<sup>1</sup>, Барбара останавливается на трех основных драйвах желаний героев:

<sup>1</sup> О кельтской мифологии: [https://world-of-legends.ru/keltika/legends\\_keltika/](https://world-of-legends.ru/keltika/legends_keltika/)

- 1) Триадные отношения и выбор Аофи.
- 2) Магическое действие заклинания, время и изгнание.
- 3) Освобождение от желания и от основы бытия.

Итак, первая часть этого предания.

Король Лир потерял жену и отказался от скорби утраты. Вместо этого он женился на ее родной сестре Аофи, которой он заменил свой Эго-Идеал. Он постоянно хотел говорить о своей умершей жене, чтобы воссоздать ее образ как некое подобие хорошего воображаемого объекта. Похоже, что Лир был нарциссичен. Он приблизил к себе детей от первого брака, старшую дочь Фионнулу и трех сыновей: «находясь с ними рядом днями напролет, а по ночам все вместе они спали в одной большой постели».

Докладчик задается такими вопросами: «Какая картина мира сложилась у маленьких детей после смерти матери? Могли ли ночи, проводимые с отцом, активировать последствия эдиповой победы? В какие всемогущие фантазии они угодили?». Король использовал своих детей как источник утешения своего неразрешенного горя.

Он не стал родителем в своей новой семье, не способствовал превращению семьи в новую, смешанную.

Вскоре Аофи поняла, что ей не место в этой матрице. Она чувствовала себя изгнанной. Ее потребность в интимных, полных любви отношениях с Лиром не была удовлетворена. Аофи пришла в ярость и решила разлучить детей с их отцом навсегда с помощью заклятья, которое превратит их в лебедей.

Тут Барбара немного отвлекается от мифа и вспоминает, насколько тема изгнания важна и актуальна в настоящее время: «Среди эмигрантов существует много нерассказанных историй о потерях изгнания и тоске. Благодаря нашей работе с пациентами мы знаем, что наступает момент, когда в рассказе происходит диалог с предками и возникает место для исцеления межпоколенческих травм. Так же важны воспоминания о значимых событиях в истории страны. Например, о конце войны или так когда-нибудь будут вспоминать об окончании пандемии. Говорят, что в тяжелые времена люди начинают обращаться к своим культурным истокам, к коллективной сознательной и бессознательной памяти».

Действительно, во время карантина виртуальное посещение музеев, театров, выставок увеличилось во много раз. Например, в Русском музее подсчитали, что за 2020 год число подписчиков его соцсетей выросло примерно на 200%, а общее количество просмотров всех форматов перевалило за 120 млн<sup>2</sup>. Независимо от того, понимает или не понимает человек искусство, от соприкосновения с ним ему становится лучше. Вероятно, в искусстве мы черпаем материнское успокоение и любовь, находим самые прекрасные отражения своих любимых внутренних переживаний. Философ Арис Мёрдак сказала, что глядя на искусство, мы перестаем существовать, чтобы начать что-то новое.

Вернемся к нашему преданию. Аофи вместе с детьми уезжает навестить их деда

### Благодаря нашей работе с пациентами мы знаем, что наступает момент, когда в рассказе происходит диалог с предками и возникает место для исцеления межпоколенческих травм

Бодба Дирга. По пути они останавливаются у озера, чтобы дети могли поплавать. Во время их купания Аофи накладывает на них заклинание, но видя страх в глазах Фионнулы, смягчает его: заклинание будет длиться не вечность, а девятьсот лет. Отныне дети должны провести в качестве лебедей по триста лет на трех озерах и морях Ирландии. А когда король Севера и королева Юга поженятся, детям Лира будет возвращен их человеческий облик.

Каков психологический смысл заклятья? Подвергнуть заклятию — значит блокировать способность ребенка свободно реализовываться, не дать возможности стать самим собой. Проживать заклятие — значит проживать чьи-то желания, быть использованным. Суть заклятия — формирование ложной Самости, проживание заклятия — проживание жизни с ложной Самостью, что лишает возможности проживания своей жизни. Как Аофи была травмирована отчуждением в доме Лира, точно так же и она изгоняет детей из дома и человеческого облика. То, от чего больше всего страдала сама, она навлекла на них.

Согласно заклятию, первые триста лет четверо детей-лебедей должны провести на озере, возле дома. Б. Фитцджеральд говорит, что лебеди отрицают реальные обстоятельства, делают вид, что все в порядке. Они развлекают придворных своего отца пением, сублимируют страх в безудержное веселье. Барбара задается вопросами: «почему они не приняли свою природу животных, способных на инстинктивный гнев на происходящее? Нам знакомо такое застывание, которое называется травмой». Далее она говорит: «На пути к индивидуации порой трудно понять реальное

существование симптомов или ран. Мы можем петь снаружи, но чувствовать противоречие внутри. Наша способность находиться в реальности может быть нарушена гравитационным притяжением со стороны силы желаний. Процесс пробуждения включает в себя борьбу между силами желаний и реальностью нашей жизни».

Далее лебеди улетают на море Мойл. И мы переходим ко вторым трехстам годам.

Море Мойл было свирепым и беспощадным. Для лебедей наступило время больших потрясений. Их уносило штормом и морскими волнами. Посреди моря находился кусок скалы. Фионнула, старшая из детей, предложила всем возвращаться сюда. Это было то место, где они смогут найти друг друга. Сестра защищала трех младших братьев под своими крыльями, служившими контейнером для их тревог, признанием их родства. В одну суровую зиму было настолько холодно, что их перья превратились в лед и отломались. Лебеди оказались голыми, безо всякой защиты от непогоды.

Барбара замечает, что такое исключительное описание уязвимости чрезвычайно трогательно. Именно в такие моменты в психике может начаться движение. В пространстве между ощущением нужды и открытием возможностей мира мы сталкиваемся со своей глубинной сущностью. Это время, когда мы стоим перед выбором сепарации истины и психической реальности. Именно убеждения придают статус реальности фантазиям и идеям, которые затем уже воспринимаются как факты. Убеждение является составной частью инстинкта, необходимого для жизни перед лицом неопределенности. Убеждения — это фантазии, в которых задействованы психические объекты и, будучи эмоциональным вложением, они требуют оплакивания, которое позволит от них освободиться.

«Ограничения, с которыми мы сталкиваемся, могут касаться свободы, — далее говорит Барбара, — поскольку мы освобождаем другие части себя, которые были несвободными, заключенными в идеализированные

Зал во время онлайн-доклада Барбары Фитцджеральд



идентификации или привязанности. Чтобы вынести эти тревоги и найти возможность пройти через них, важным аспектом является освобождение от желаний на пути к индивидуации.

Индивидуацию часто путают с потаканием собственным слабостям. Или с простым индивидуализмом. Но то, чего чаще всего индивидуация требует от нас — это отказаться от планов Эго по обеспечению безопасности и эмоциональному подкреплению в пользу служению намерениям души. Цель психоанализа: сделать бессознательное осознанным. Что здесь необходимо осознать? В предании рассказывается история потерь героев. Потеря, которые не были проработаны, что может привести к бессознательной динамике внутреннего конфликта, притуплению желания и развитию иллюзий для защиты от ощущения соперничества, одержимости, ревности и в конечном итоге потерь».

Мы видим эту динамику в страданиях Лира из-за потери первой жены, потом в ревности Аофи из-за потери Лира, детей и их, в конечном итоге, жизни. Неразрешенная потеря детьми матери и мачехи, лишает их готовности сопротивляться, а их энергия поглощается пассивным ожиданием. Также они страдают от потери человеческого облика и не принимают свою животную природу. Вероятно, примитивные животные инстинкты могли бы послужить им в море Мойл, но они направили все свои силы на выживание.

Коллега Ринат Галиев (Санкт-Петербург) отметил, что «в этом мифе есть компенсаторная функция, которую выполняет старшая сестра Фионнула по отношению к своим братьям. Она их согревает в холодное время своими крыльями и дает им замену, компенсацию материнской фигуры».

И теперь о заключительной части предания.

После штормовых трехсот лет на море Мойл лебеди возвращаются в родные места, обратно к озеру, где они провели первые триста лет, для того, чтобы провести на нем оставшиеся триста. Все вокруг изменилось до неузнаваемости. Их страстное желание вернуться домой и зажить прежней жизнью не сбылось. Жизнь изменилась.

## Индивидуацию часто путают с потаканием собственным слабостям. Или с простым индивидуализмом

Хранители магии давно ушли. И время стало обычным, линейным. Годы означали просто годы, а не волшебную жизнь. Закаленные штормами и невзгодами на море Мойл, они стали воспринимать мир иначе. Лебеди повзрослели. На озере они знакомятся с монахом Малахи. С ним они ведут занимательные беседы о новой религии. И тут король с Севера и королева с Юга объявляют о своей женитьбе. Они желают видеть на своем торжестве лебедей, которые будут их развлекать своими прекрасными голосами. Вот тут действие заклęcia и заканчивается. Лебеди вновь обретают человеческий облик. Однако они оказались девятисотлетними стариками, лишенными своих желаний, мечтаний и стремлений. Они освободились от желания чего бы то ни было, кроме правды реальности: их глубокого родства друг с другом и того, что они достигли конца своей жизни. Их последним желанием было быть вместе после смерти. Фионнула снова прижала их к себе, и они вчетвером были похоронены.

«Лебеди, застрявшие между своей человеческой и животной природой, оказались не в состоянии распознать и понять, кто они на самом деле. В промежутке между чувством нехватки чего-то и возможностями мира, с которыми мы сталкиваемся, возникает важнейший вопрос о том «кто мы?». Что в нас самих создает возможность проявить смелость в той степени, какая для нас возможна? Сколько в нашей жизни связано с теми жизнями, которыми мы не живем, жизнями, которые мы упускаем? Жизнями, которые мы могли бы вести, но по какой-то причине этого не происходит? То, о чем мы фантазируем, то, к чему мы стремимся — это опыт и люди, которых нет. Но что присутствует? Что призывает и зовет

вперед? Это вопросы, которые лежат в основе поиска индивидуации. Мы способны выносить и во времени преобразовывать свои самые глубокие страхи и развивать силу движения к цели — и это один из фундаментальных аспектов индивидуации», — говорит Барбара Фитцджеральд.

А хотят ли люди индивидуации? Хотят ли идти сквозь штормы и бури к обретению истинной Самости? Готовы ли? Мы можем предположить, что для того, чтобы быть открытым для глубокой работы в сторону индивидуации, нам необходимо понять амбивалентную неоднозначную природу своего жизненного пути. Вера в то, что когда мы сталкиваемся с отчаянием из-за того, что потерялись, то в этот момент нас можно найти. Желания мы можем понимать как особый вид стремления, который является уникальным аспектом взаимоотношений между разными уровнями реальности в нас самих.

У коллеги В. Н. Шлыкова (Екатеринбург) возникли к Барбаре такие вопросы: «Возможна ли не групповая индивидуация? Или важна группа, когда тебя отражают другие? Есть ли у нас «неотражаемая» другими часть, которую мы можем реализовать без других?».

Б. Фитцджеральд ответила: «Индивидуация всегда происходит в отношениях, через отношения и даже через воспоминания отношений, которые все равно являются частью этого процесса. Но когда мы становимся более зрелыми, то мы уже можем направить этот процесс внутрь и не нуждаясь в такой степени во взаимоотношениях находим в себе силы заглянуть в глубинную темноту своей Самости. Эго никогда бы не хотело бы присутствовать на собственных похоронах».

Барбара закончила свой доклад цитатой Ричарда Уилбера, американского поэта, который написал следующие строки: «Все, что мы делаем, касается океана. И все же мы остаемся на берегу того, что нам известно». Как мы можем ориентироваться и преодолевать рывки желаний, стремлений и позволять себе смотреть в бескрайний океан, заглянуть в глубину, чтобы узнать больше, что нам известно? В этом и есть человеческая история индивидуации.

О чем этот миф и доклад? Барбара Фитцджеральд рассказывает о том, что переживают герои мифа на пути индивидуации.

На первом этапе — это застревание в инфантильной травме потери матери и дальнейшего отвержения мачехой. Последующее проживание в ситуации травмирующей фрустрации. Одиночество и отрицание реальности. Сублимация страха в безудержное веселье. Активизация защитных фантазий о всемогуществе.

На втором этапе, герои мифа сталкиваются с поражением на море Мойл, с идеализированными фантазиями о себе, с чувством крайней уязвимости и психологической обнаженности. Именно в этот момент обнаруживается их желание обрести себя и вернуться в мир простых смертных людей. В такие минуты наши герои остро нуждаются в материнской фигуре, в контейнировании подлинных чувств: тревоги, стыда, страха, отчаяния и в оплакивании потерянному.

На третьем этапе герои открывают, что мир людей хоть и родной для них, но он им совершенно незнаком. Лебеди чувствуют себя в нем чужаками. Но они находят того, кто помогает им войти в человеческий мир, знакомит с его законами и правилами (отцовская фигура монаха Малахи). И когда во внутреннем мире героев реконструируются родительские объекты (свадьба короля с Севера и принцессы с Юга), то они снова становятся людьми. Но обнаруживают себя слишком старыми.

Мне вспомнились слова Кохута: «Я верю, что на более позднем этапе жизни можно рассматривать определенную точку как жизненно важную. Это точка в жизненной траектории Самости, на которой ключевая финальная проверка определяет, успешным ли оказалось предыдущее развитие или нет. [...] Но я склонен считать поворотным моментом даже ещё более поздний этап — поздний средний возраст, когда, приближаясь к неизбежному концу жизни, мы спрашиваем себя, хранили ли мы верность нашему наисокровеннейшему предназначению. Для некоторых людей это время совершеннейшей безнадёжности, предельной летаргии,

**И все же самость представляет собой динамический центр психики, который непрерывно внутренне изменяется и не является абсолютным**

время депрессии без вины и направленной на себя агрессии, которая захватывает тех, кто чувствует, что он не справился и не может исправить совершённую ошибку с учётом того времени и тех энергий, которые у него на этот момент имеются».

Так же хочется поговорить о символике мифа.

В мифах и сказках превращение в определенное животное или птицу передает некое содержание психики. Превращение в птицу означает, что стремление персонажа реализуется в виде идеи или фантазии и не становится при этом целостным человеческим переживанием. Такой человек склонен смотреть на жизнь и действительность, блокируя один из полюсов. Как, например, монах или аскет старается блокировать свой телесный полюс, умирив плоть.

Почему же детей превращают в лебедей? Вероятно, здесь лебеди символизируют неокрепшие, травмированные, детские души, которые всю жизнь вынуждены искать свое отражение в море жизни. Младенец рождается с фрагментированной Самостью, которая обретает связность и стабильность через «эмпатичную сонастроенность» с опекунами. Плохая или неадекватная сонастроенность ведет к задержкам развития в одном или нескольких секторах Самости, оставляя структурные дефициты, которые требуют компенсации. Если младенцу не хватило блеска и интереса к себе в глазах матери, то он может вырасти во взрослого, который постоянно стремится получить свое отражение, одобрение со стороны других людей, даже в таких

ситуациях, которые деструктивны и неизмеримо опасны.

Тогда почему в мифе так много воды? Вода в сказках и мифах имеет множество символов. Вода символизирует материнское пространство. Вода символизирует бессознательное, а погружение в воду имеет аналогию с погружением в бессознательное. Купание так же означает бессознательное желание героя очиститься от тех ложных качеств, которые чужды персонажу. Порою в сказках вода бывает или смертельно горячей, или смертельно холодной. Герой может свариться или замерзнуть, но он выживает. Это говорит о скрытой силе человека, способной сохранить ему жизнь в самых трудных ситуациях.

А что же может означать обнажение или даже уничтожение кожи животного? Вспоминая слова Кохута, любой взрослый человек может переживать отдельные и изолированные эпизоды уязвимости, как это происходит у большинства людей с достаточно связной Самостью. Иначе человек погружается в муки тяжелого нарциссического расстройства в случае, если его Самость раздроблена. Такая Самость требует постоянной стимуляции в виде аффективного возбуждения для того, чтобы продолжать поддерживать чувство, что она вообще есть. Подобные случаи попадают во внимание психотерапевтов через разнообразные проявления: депрессия, ярость, тревога, зависимости, извращения, крайняя ранимость к пренебрежительному отношению, навязчивые мысли, сексуальное отыгрывание и т. д.

И все же самость представляет собой динамический центр психики, который непрерывно внутренне изменяется и не является абсолютным. Она снова и снова переадаптируется, чтобы соответствовать изменяющемуся процессу.

А что читатели могут добавить к пониманию символики мифа? Есть еще множество вопросов. Что символизирует фигура Короля? Мачехи? Почему три раза по триста лет? Что означает Старость, Смерть и т. д.?

Хочется поблагодарить Барбару Фитцджеральд за столь интересный и глубокий доклад, который порождает так много

размышлений, фантазий, чувств, приближает наше понимание динамики пути индивидуации.

На Зимнюю школу слетается много студентов, начинающих психоаналитиков и специалистов, имеющих за плечами опыт в профессии. Через доклады коллег и взаимодействие друг с другом мы восполняем пробелы в знаниях или укрепляемся в уже имеющемся багаже. Мы можем испытывать в душе звучание целого оркестра чувств:

стыд и зависть, радость и ликование, ревность и тревогу, уверенность и могущество, и многое другое. Мы обнаруживаем свои победы или ошибки через победы и ошибки других, оттачиваем свое мастерство через мастерство других. Так мы нащупываем и проходим свой неповторимый путь индивидуации в психоанализе, чтобы когда-нибудь понять, насколько мы хранили верность своему наисокровеннейшему предназначению. ■

